

Научная статья. Политические науки

УДК 327(5)

DOI: 10.31696/2072-8271-2023-4-3-60-020-033

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА ИНДОНЕЗИЕЙ И ИНДИЕЙ

Екатерина Сергеевна КОСАРЕВА¹, Александр Сергеевич КОРОЛЁВ²

¹ ИМЭМО, Москва, Россия,
eskosareva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2091-792X>

¹ НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
askorolev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8560-9517>

Аннотация: Статья посвящена выявлению особенностей концептуализации Индонезией и Индией Индо-Тихоокеанского региона на современном этапе. В данном исследовании авторы используют постструктуралистский подход к международным отношениям, а именно критическую геополитику, поскольку Индо-Пафицика – концепция, основанная на политическом конструировании пространства. Кроме того, авторы применяют теорию элит в качестве концептуального подхода второго уровня для определения круга акторов (институтов), формирующих современный внешнеполитический дискурс обеих стран в отношении ИТР и роли элит в продвижении данной концепции. По итогам анализа авторы приходят к следующим выводам. Целеполагание элит Индии и Индонезии при использовании концепции Индо-Тихоокеанского региона схоже: через нее они проецируют восприятие себя как ключевых региональных игроков для создания инклюзивного и безопасного пространства со-развития. Вместе с тем, геополитический дискурс элит стран отличается. Если индийцы позиционируют ИТР как регион, в котором они призваны играть роль «естественного» лидера, то индонезийцы концентрируются на Wawasan Nusantara (видение Индонезийского архипелага как единого политического, экономического, социального и культурного пространства), уделяя большее внимание собственному развитию.

Для Индонезии концепция ИТР позволяет сохранять центральную роль АСЕАН в формирующемся видении региона. Понимание концепции Индо-Пацифики Нью-Дели логично вписывается в его проактивный внешнеполитический курс, одним из основных направлений которого является развитие связей со странами Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: Индонезия, Индия, Индо-Тихоокеанский регион, АСЕАН

Благодарности: Статья подготовлена за счет финансовой поддержки гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-4715.2022.2

Для цитирования: Косарева Е.С., Королёв А.С. Особенности концептуализации Индо-Тихоокеанского региона Индонезией и Индией // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2023, Том 4, №3 (60). С. 20-33. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-4-3-60-020-033

Original article. Political science

SALIENT FEATURES OF THE INDO-PACIFIC REGION CONCEPTUALIZATION BY INDONESIA AND INDIA

Ekaterina S. KOSAREVA ¹, Alexander S. KOROLEV ²

¹ IMEMO RAS, Moscow, Russia,
eskosareva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2091-792X>

² HSE University, Moscow, Russia,
askorolev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8560-9517>

Abstract: The article is devoted to identifying the features of Indonesia's and India's conceptualization of the Indo-Pacific region at the present stage. In this research, the authors use a poststructuralist approach to international relations, namely critical geopolitics, since the Indo-Pacific is a concept based on the political construction of space. In addition, the authors use the elite theory as a second-level theoretical approach to identify the range of actors (institutions) shaping contemporary foreign policy discourse regarding IPR, as well as their role in promoting this concept. Based on the results of the analysis, the authors came to the following conclusions. The goal-setting of the ruling elites of India and Indonesia while using the concept of the Indo-Pacific region is similar: through it they project the perception of themselves as key regional players to create an inclusive and safe prosperity area. At the same time, the geopolitical discourse of the elites in two countries is different. While Indians perceive the IPR as a region in which they want to play a "natural" leader role, Indonesians concentrate on Wawasan Nusantara (the vision of the Indonesian archipelago as a single political, economic, social and cultural space), paying more attention to their own development. For Indonesia, the IPR concept allows ASEAN to remain central to its emerging vision for the region. At the same time, New Delhi's understanding of the Indo-Pacific concept logically fits into its proactive foreign policy course, one of the main directions of which is the development of ties with Southeast Asian countries.

Keywords: *Indonesia, India, Indo-Pacific region, ASEAN*

Acknowledgments: *The article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for young scientists-PhD MK-4715.2022.2*

For citation: Kosareva E.S., Korolev A.S. Salient Features of the Indo-Pacific Region Conceptualization by Indonesia and India. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2023, T. 4, № 3 (60). Pp. 20-33. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-4-3-60-020-033

Стратегическое расположение Индонезии определяет ее значимость для Индо-Тихоокеанского региона, а также подталкивает к проведению активной и независимой внешней политикой (*bebas aktif*). В этом смысле Джакарта позиционирует ИТР не только как конструкт, поддерживающий центральную роль АСЕАН, но и как концепцию, которая позволяет определять национальные внешнеполитические цели, в том числе называть себя глобальной морской осью¹.

Концепция ИТР является одной из центральных в проактивной политике правительства Н. Модии. Благодаря ей Индия стремится возродить историческое единство региона и усилить взаимодействие с региональными партнерами².

Выбор Индонезии и Индии в качестве объекта исследования обусловлен растущей значимостью этих стран в международной системе. Авторы работы выявили основные черты подходов Джакарты и Нью-Дели к концептуализации ИТР, используя критическую геополитику и теорию элит. Поскольку Индо-Пафигика – концепция, основанная на политическом конструировании пространства, критическая геополитика позволила определить, какое видение ИТР сформировалось у индонезийских и индийских элит и как оно повлияло на их внешнюю политику в регионе. Теория элит способствовала выявлению групп интересов, стоящих за продвижением концепции ИТР. В работе обозначены две группы элит – властвующие (участвующие в принятии внешнеполитических решений) и экспертные.

Место Индо-Пафигики в индонезийском внешнеполитическом дискурсе

Индонезийцы традиционно представляли себя связанными с морем. Концепция «архипелажного видения» (*Wawasan Nusantara*), предполагающая единство земли, воды и людей архипелага, была закреплена в Декларации Джуанды в 1957 г., ее закономерным развитием стало принятие Джакартой Конвенции ООН по морскому праву

1982 г., по которой Индонезия признавалась государством-архипелагом.

Однако до начала демократизации в конце 1990-х гг. ассоциация государства с морем фактически игнорировалась – находившиеся у власти военные уделяли приоритетное внимание стратегии, связанной с сушей – «системе обороны больших островов» (*sistem pertahanan pulau besar*)³. Только в XXI в. наметилось постепенное усиление внимания морскому направлению, о чем свидетельствуют рост расходов на модернизацию военно-морского флота и улучшение портовой инфраструктуры⁴.

В случае с Индо-Пацификой Индонезия не пыталась использовать эту концепцию вместо АТР, поскольку ее устраивал установившийся асеаноцентричный формат регионального сотрудничества. Кроме того, отсутствие единого видения целей и методов взаимодействия в рамках ИТР вызывало у Джакарты настороженность. В Индонезии полагали, что Индо-Пацифика – американская идея, направленная на сдерживание КНР и потенциально способная подрывать значимость асеаноцентричных форматов регионального взаимодействия⁵.

Тем не менее, рост напряженности между США и Китаем в начале 2010-х гг. способствовал тому, что в мае 2013 г. министр иностранных дел Индонезии М. Наталегава предложил индонезийское видение концепции Индо-Пацифики как модели развития регионального сотрудничества. Географически ИТР определялась треугольником со следующими «вершинами»: Индия на юго-западе, Япония на севере и Австралия на юго-востоке. Такая трактовка позволяла сохранить центральное положение Индонезии. Помимо этого, предложение продвижения «мирного» ИТР предусматривало ответственность вовлеченных в конфликты государств за разрешение споров в соответствии с нормами международного права⁶.

Для выполнения указанных принципов министр иностранных дел Индонезии предлагал странам заключить Индо-Тихоокеанский договор о дружбе и сотрудничестве. Моделью для него мог послужить Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии 1976 г., однако в итоге замысел М. Наталегавы не был реализован. На несколько лет индонезийская инициатива «исчезла в черной дыре бюрократии АСЕАН»⁷, а термин ИТР и вовсе не упоминался в официальных документах Ассоциации.

Хотя идея М. Наталегавы не нашла поддержки на уровне АСЕАН, в самой Индонезии она получила развитие. В 2014 г. президентом страны стал Джоко Видодо, сделавший ставку на становление

страны в качестве «глобальной морской оси» (*Global Maritime Fulcrum, GMF*)⁸. Возвращение нарратива о морской идентичности подчеркивалось стратегическим расположением страны «на перекрестке» двух океанов (*posisi silang*) и ставило Индонезию в центр формирующегося порядка ИТР, определяя ее как геостратегическую ось развития сотрудничества в регионе. Однако при объявлении GMF Джоко Видодо использовал акроним «PACINDO», поскольку на термин ИТР и связанные с ним коннотации «претендовали» США и Австралия⁹.

Из-за усиления напряженности в регионе в связи с активизацией Четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD) после 2017 г. в 2018 г. министр иностранных дел Индонезии Р. Марсуди инициировала дискуссии о принятии Индо-Тихоокеанского видения на уровне АСЕАН. Джакарта испытывала дискомфорт из-за QUAD как коалиции «внешних» для ЮВА держав, формулирующих стратегию взаимодействия в ИТР без участия Ассоциации¹⁰. Принятие видения позволяло бы АСЕАН сохранить «право голоса» в формировании дискурса об Индо-Пацифике, а Джакарте – подтвердить статус лидера Ассоциации.

Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН было принято в июне 2019 г. на 34-м саммите Ассоциации в Бангкоке. В нем отмечалось, что «десятка» стремится проявить лидерство в достижении более тесного сотрудничества в ИТР и сохранить центральную роль объединения. Важной деталью стало сочетание концепций АТР и ИТР, не подразумевавшее исключение первой с безоговорочным принятием второй. Индо-Пацифика объявлялась регионом диалога и всеобщего процветания, основанного на «взаимодополняемости с существующими структурами сотрудничества»¹¹.

Учитывая роль Джакарты в разработке и принятии Индо-Тихоокеанского видения АСЕАН, проект Р. Марсуди неоднократно сравнивали с идеей М. Наталегавы. В обоих случаях авторы выступали за инклюзивность и поддержание центральной роли АСЕАН, опасаясь нарастания геополитической напряженности в регионе. Однако если М. Наталегава предлагал заключить договор, который мог бы обязать подписантов к определенным действиям по содействию миру в регионе, Р. Марсуди предложила более гибкую и менее обязывающую рамку. В асеаноцентричном видении нет конкретных предложений, кроме поощрения дальнейшей экономической и социокультурной интеграции, а опора на существующие в рамках АСЕАН институты указывает на отсутствие четкой внешнеполитической стратегии в

рамках ИТР. Как отметил В.В. Сумский, смысл этого документа можно свести к «англоязычной идиоме “*more of the same*”»¹².

Принятие Индо-Тихоокеанского видения АСЕАН не стало поворотным моментом и во внешней политике Индонезии. Как указывал П. Даннхауэр, в документах стратегического планирования МИД Индонезии на 2015-2019 гг. термин «Индо-Пацифика» был использован всего один раз в связи с идеей М. Наталегавы¹³. В ежегодных обращениях министра иностранных дел Индонезии с 2019 по 2022 гг. Индо-Пацифика упоминалась всего 17 раз: 4 упоминания в 2019 г., по 6 упоминаний в 2020 и 2022 гг., одно упоминание в 2021 году. Упоминания 2019 и 2020 гг. связаны с принятием документа усилиями АСЕАН, в то время как в высказываниях последующих лет зафиксировано намерение продвигать сотрудничество и способствовать установлению безопасного, стабильного и процветающего ИТР.

Таким образом, ИТР не является значимой частью внешнеполитического дискурса Индонезии. Подобное отношение можно объяснить следующими причинами.

Во-первых, принятие Видения в 2019 г. было вызвано в большей степени необходимостью дать ответ на изменения внешней среды, чем попытаться предложить реальную реконцептуализацию региона.

Во-вторых, для Индонезии, будучи развивающейся экономикой, важно поддерживать конструктивные отношения с потенциальными инвесторами – в первую очередь, КНР. Поэтому резкая реакция Пекина на использование термина ИТР заставляет Джакарту быть более осмотрительной¹⁴.

В-третьих, приверженность идее Индо-Пацифики может означать выбор Индонезии в пользу QUAD и американского видения региона. По этой причине с целью недопущения неверной интерпретации, прежде всего, со стороны КНР, Джакарта предпочитает сохранять равноудаленность в том числе на уровне дискурса.

Роль элит в формировании видения ИТР Индонезии

В случае с Индонезией серьезной проблемой является отсутствие скоординированной внешнеполитической позиции. Представители властвующих и экспертных элит дают разные ответы на то, кто оказывает наибольшее влияние на внешнюю политику страны. Неоднородность в восприятии США, Китая, АСЕАН во внешней политике Индонезии приводит к тому, что сами индонезийцы оценивают внешнюю политику своего государства как «спорадическую без четкого

направления, подверженную влиянию региональных и международных событий»¹⁵.

Одной из традиционных черт индонезийских властвующих элит является большее внимание к внутренним делам, и на вопрос о том, кто определяет внешнеполитический курс элит, сложно дать однозначный ответ. Удачной представляется попытка Д. Новотного ранжировать степень влияния групп элит на внешнюю политику:

1. Президент и его кабинет;
2. Министерство иностранных дел;
3. Другие правительственные учреждения, а также военные;
4. Парламент;
5. Эксперты и бизнес-сообщество¹⁶.

Однако его работа была написана в 2010 г., до прихода к власти в Индонезии Джоко Видодо. Джокови отличается от предшественников тем, что он не относится к кругу традиционных властвующих элит¹⁷. В этом смысле он стал первым демократически избранным президентом (его предшественник, С. Юдойоно, был профессиональным военным, а М. Сукарнопутри – дочерью президента Сукарно). Кроме того, принадлежность к бизнес-сообществу предопределила его взгляды на развитие страны: с 2014 г. внешняя политика Джакарты сосредоточена на практических вопросах, преимущественно связанных с экономическим развитием¹⁸.

В то же время после 2014 г. сохраняется влияние военных элит на политический курс страны. Став президентом, Джоко Видодо назначил ряд авторитетных генералов на значимые позиции в правительстве. Среди них выделяются фигуры Л.Б. Панджайтана и П. Субианто. Первый – отставной генерал, с октября 2019 г. занимающий должность Министра по морским делам и инвестициям.

П. Субианто – одна из ключевых фигур нынешнего правительства. Бывший генерал проиграл выборы 2014 г., однако Джокови назначил его министром обороны в правительстве 2019 г., аргументируя это экспертизой П. Субианто. За первые полтора года на посту он совершил 20 визитов в 14 стран, стремясь укрепить оборонный потенциал республики. Активно взаимодействуя с министром иностранных дел Индонезии Р. Марсуди по вопросам региональной безопасности, он является ярким представителем военной элиты страны¹⁹. П. Субианто ставит Индонезию и ее безопасность выше АСЕАН, предпочитает равноудаленность от великих держав. На одном из публичных выступлений Министр заявил, что он был одним из тех, кто поддержал отказ от активной внешней политики, поскольку, по его

мнению, традиционный индонезийский подход является оборонительным, а главная цель Джакарты – стабильная обстановка в регионе и свободный доступ к морским и воздушным путям коммуникации²⁰.

Третье отличие от схемы Д. Новотного – роль МИД в продвижении концепции ИТР. Видение 2019 г. было инициативой Министерства, которую наиболее активно продвигали Генеральный директор по сотрудничеству АСЕАН Х.А.М. Тавареш, бывший глава Агентства политического анализа и развития С. Прамоно и Министр иностранных дел Р. Марсуди, которую коллеги из Ассоциации прозвали «мисс ИТР»²¹. Представители индонезийского МИД отстаивали идею лидерства Индонезии в АСЕАН, поэтому видение было принято на уровне всей Ассоциации.

Наконец, стоит отметить значимую роль отдельных экспертов и представителей крупного бизнеса. Среди представителей экспертного сообщества выделяется Р. Сукма, старший научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований в Джакарте. Еще в 2009 г. он писал о том, что Индонезия должна относиться к АСЕАН лишь как к платформе для продвижения национальных интересов²². Будучи консультантом Джокови по внешней политике, его идеи нашли отражение в концепции «глобальной морской оси», ориентированной на национальный, а не на асеаноцентричный формат.

Если говорить о влиянии бизнес-сообщества, Джоко Видодо поддерживают крупные предприниматели, занятые в областях экономики, не имеющих прямой связи с развитием морской инфраструктуры. Отсутствие значительного интереса – а значит, и финансирования – с их стороны могло повлиять на недостаточную активность имплементации GMF²³.

Место концепции Индо-Пацифики в индийском внешнеполитическом дискурсе

После обретения независимости в 1947 г. индийские политические элиты воспринимали страну в духе стратегической традиции, унаследованной от британцев – как одного из доминирующих акторов в регионе Индийского океана, центр «неформальной субимперии»²⁴. Хотя в первые десятилетия у республики не было достаточных ресурсов для того, чтобы претендовать на значимую роль в регионе, в дискурсе присутствовала мысль о «Великой Индии» (*Greater India*). Особенно важным было поддержание позиции «естественного гегемона» в Южной Азии. Уже в «доктрине Индиры» 1970-1980-х гг. четко

определялась недопустимость вмешательства третьих стран в дела южноазиатских государств²⁵.

Еще одной важной особенностью позиционирования региона стало негласное противостояние Китаю после 1962 года. До войны 1962 года Дж. Неру продвигал идею паназиатского порядка, возглавляемого Пекином и Нью-Дели. Однако после поражения Индии негативное восприятие Китая стало одним из наиболее сильных факторов, оказывающих влияние на трактовку геополитической ситуации в регионе²⁶. В то же время восприятие КНР и Пакистана как основных противников повлияло на преимущественно континентальное осмысление национальных интересов страны²⁷.

В 1990-х гг. распад СССР и экономический рост Китая поставили Индию в уязвимое положение перед лицом «китайской угрозы» и заставили ее переосмыслить внешнеполитические приоритеты. Одним из главных изменений стало провозглашение политики «Смотреть на Восток», ориентированной на укрепление экономических и политических связей со странами АСЕАН. Хотя официально утверждалось, что эта политика «возрождает» тысячелетние традиции связей Южной и Юго-Восточной Азии, де-факто лишь изменения баланса сил на мировой арене предопределили сближение Индии со странами ЮВА²⁸.

Более того, в этот период Нью-Дели избавился от «синдрома “морской слепоты”»: во второй половине 1990-х гг. в правительстве «сформировалось мощное лобби, поддерживающее развитие ВМС и выступающее за морскую экспансию»²⁹. Наличие поддержки властвующих элит, уделявших приоритетное внимание морской стратегии, содействовало утверждению мысли о значимости океана в экспертных элитах. В 2004 г. была опубликована первая Морская доктрина Индии, продемонстрировавшая возросшую стратегическую значимость Индийского океана.

С приходом к власти в 2014 г. Н. Моди внешняя политика страны стала более проактивной – во многом этому способствовало стремление превратить республику в «ведущую мировую державу»³⁰. В официальный дискурс вошла идея о возрождении значимости моря во всех сферах – от обеспечения безопасности до восстановления цивилизационных связей с соседними регионами.

Идея Индо-Пацифики, изначально предложенная индийскими экспертами в конце 2000-х гг., значима для Индии, поскольку подразумевает переосмысление границ АТР, в рамках которого Нью-Дели чувствовал себя остающимся «за скобками». ИТР подчеркивает осо-

бую роль, которую Индия играет в формирующемся пространстве, и позволяет ей рассчитывать на статус «великой державы»³¹.

Несмотря на отсутствие единого программного документа, определяющего стратегическое значение ИТР для Индии, важность региона прослеживается в речах политических и экспертных элит страны³². Основная идея заключается в создании инклюзивной и сбалансированной региональной архитектуры с сохранением центральной роли АСЕАН. С 2014 г. активизация экономического развития оказала значительное влияние на внешнеполитическую курс кабинета Н. Моды. Одним из приоритетов стало продвижение геоэкономических стратегий, в том числе с использованием концепции Индо-Пацифики, сочетающей цивилизационное обоснование и потенциал развития экономических связей.

На официальном уровне индийское видение ИТР было определено в 2018 г., когда Н. Моды выступил с речью на диалоге Шангри-Ла в Сингапуре. Обратившись к морскому наследию Индии, в том числе упоминанию океана в Ведах, премьер-министр заявил, что ИТР – это «природный регион», судьбы народов которого неразрывно связаны³³. Географическими границами ИТР для Индии было объявлено пространство от восточного побережья Африки до западного побережья Америк. В отличие от американского восприятия Индо-Пацифики, Нью-Дели заявил о том, что его видение не направлено против какой-либо страны, имея в виду Китай. Также Н. Моды отметил центральную роль АСЕАН, ставшей фундаментом Индо-Тихоокеанского региона.

Концепция Индо-Пацифики стала для Индии платформой, с помощью которой она может увеличить свое присутствие в регионе и противостоять активизации Китая в Индийском океане. Хотя официально о соперничестве с Пекином никогда не говорилось, на деле фактор КНР оказывает значительное влияние на выработку индийских инициатив в ИТР. При этом в настоящее время концепция Индо-Пацифики для Индии является, скорее, желаемым, чем действительным: у Нью-Дели отсутствуют необходимые ресурсы, чтобы проецировать силу за пределами Индийского океана³⁴, и стремление развивать многостороннее сотрудничество в рамках ИТР выступает реакцией на усиление геополитической напряженности в Азии.

О том, что концепция ИТР является значимой частью геополитического дискурса нынешней власти Индии, свидетельствует также создание отдела ИТР в МИД в апреле 2019 г., курирующего отношения с АСЕАН, взаимодействие в рамках Ассоциации стран Индийско-

го океана (IORA) и Четырехстороннего диалога по безопасности³⁵. Фактически все механизмы регионального сотрудничества – инициативы SAGAR и IPOI, IORA и Морской симпозиум Индийского океана (IONS), взаимодействие в рамках QUAD, а также двусторонние соглашения, связываются с концепцией ИТР.

Роль элит в формировании видения ИТР Индии

Хотя с приходом к власти Н. Моди состав властвующих элит претерпел перемены³⁶, внешнеполитический курс Индии остается практически неизменным, что служит частью политической традиции страны. По вопросам внутренней политики партии ведут ожесточенные споры, в то время как внешняя политика развивается вне зависимости от смены правительств.

В случае с концепцией Индо-Пацифики значительную роль в ее формулировании играют аналитические центры, связанные с ВМФ Индии – в первую очередь, National Maritime Foundation. Фонд, значительное число работников которого составляют отставные офицеры флота, продвигает идею развития морской силы Индии³⁷. Учитывая, что «настойной книгой» индийских офицеров до сих пор остается эссе К. М. Паниккара «Индия и Индийский океан: эссе о влиянии морской мощи на историю Индии» (1945), важной частью их дискурса является рост Индии как морской силы и ее доминирование в регионе Индийского океана³⁸.

Среди множества точек зрения превалирует два направления осмысления ИТР: цивилизационно-культурное и антикитайское. Представители первого уделяют преимущественное значение вопросам связи культуры и политики, усилению влияния Нью-Дели за счет цивилизационной близости. Вторые акцентируют внимание на безопасности: для них Пекин выступает главным раздражителем, чья цель заключается в ослаблении Индии. Ко второй группе относятся такие влиятельные представители экспертного сообщества, как С. Раджа Мохан, Г. Кхурана, А. Сингх.

Индийские эксперты воспринимают ИТР как возможность сформировать региональный порядок, основанный на многостороннем сотрудничестве, преодолев разделения, вызванные холодной войной. Рост числа нетрадиционных угроз в XXI в. стал дополнительным стимулом для такой кооперации³⁹. Кроме того, экспертное сообщество не подвергает сомнению центральное положение Индии в формирующемся регионе. Несмотря на существующие ограничения, Нью-Дели

воспринимается как потенциальный гарант безопасности, способный заменить США⁴⁰.

В целом, привлекательность Индо-Пацифики для экспертных и властвующих элит Индии обуславливается той ролью, которую республика призвана играть в формирующемся региональном порядке. Концепция подчеркивает растущее значение Нью-Дели в регионе и является ключевой частью дискурса о возрождении Индии как великой морской державы. Эти идеи прослеживаются в работах индийских исследователей с 2000-х годов, а после 2014 г. они стали активно использоваться на официальном уровне. В случае Индии именно экспертные элиты определили основные формы ИТР, удачно вписавшиеся в приоритеты внешней политики правительства Н. Модии.

Заключение

В результате проведенного анализа поставленная в работе гипотеза подтвердилась. В случае с Индонезией официальный дискурс применительно к ИТР остался неизменным. В проекте М. Наталегавы 2013 г. были определены примерные границы ИТР для Джакарты, а в качестве основных принципов взаимодействия указаны кооперация, компромисс, нацеленность на мирное экономическое развитие, соблюдение норм международного права, которые предполагалось закрепить договором. В Индо-Тихоокеанском видении АСЕАН 2019 г. сохранялись идеи открытости, сотрудничества, всеобщего процветания, порядка, основанного на правилах.

По результатам работы также было выявлено, что в период с 2013 по 2022 гг. индийский официальный дискурс не претерпел серьезных изменений: на протяжении рассматриваемого периода Нью-Дели продвигал нарратив об инклюзивном, открытом пространстве роста и процветания, не направленном против каких-либо стран. Концептуализация ИТР Индии, скорее, связана с геэкономическими, а не геостратегическими мотивами. При этом в экспертных работах фактор Китая выделяется как одна из значимых причин повышения активности Индии.

Таким образом, на концептуальном уровне восприятие Индии и Индонезии применительно к Индо-Тихоокеанскому региону имеет много общего. Обе страны фокусируются на геэкономике, формировании инклюзивного пространства процветания с соблюдением норм международного права и готовностью акторов к диалогу. Позиции Джакарты и Нью-Дели также включают центральную роль АСЕАН и недопустимость превращения региона в арену для соперничества ве-

ликих держав. Тем не менее, тот факт, что для Индонезии видение Индо-Тихоокеанского не является значимой частью геополитического дискурса, создает определенное препятствие для активизации диалога с региональными партнерами под эгидой ИТР. В данном случае корректнее говорить о возможности взаимовыгодного партнерства без акцентирования того, что подобное сотрудничество реализуется в рамках Индо-Пацифики.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

КОСАРЕВА Екатерина Сергеевна, старший лаборант-исследователь Центра Индо-океанского региона, Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, Москва, Россия

КОРОЛЁВ Александр Сергеевич, кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 24.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

KOSAREVA Ekaterina Sergeevna, Senior Research Assistant of the Indian Ocean Region Centre, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Alexander S. KOROLEV, PhD (Politics), Associate Professor, Deputy Director of the Center for Comprehensive European and International Studies, HSE University, Moscow, Russia

Contributions of the authors: the authors contributed equality to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 10.11.2023; approved 24.11.2023; accepted to publication 30.11.2023.

¹ Qudsiati A. D., Sholeh B. The Role Analysis of Indonesia's Policy Strategy on Indo-Pacific // *Journal of Diplomacy and International Studies*. 2020. Vol. 3. No. 1. P. 47–48.

² Куприянов А.В. Концепция Индо-Тихоокеанского региона в работах индийских политологов // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 3. С. 59.

³ Muna R. Australia–Indonesia maritime security cooperation as a contribution to Indo-Pacific security // In Brewster D. (Ed.). *Indo-Pacific Maritime Security: Challenges and Cooperation* / Australian National University. 2016. P. 45.

⁴ Agastia I.G.B.D. Indonesia Foreign Policy Update: Rough Waves Ahead in the Indo-Pacific // *Aegis*. 2018. Vol. 3. No. 1. P. 49.

⁵ Suryadinata L. Indonesia and its Stance on the “Indo-Pacific” // *ISEAS*. 2018. No. 66. P. 2.

⁶ Natalegawa M. An Indonesian perspective on the Indo-Pacific // *The Jakarta Post*. 20.05.2013. URL: <https://www.thejakartapost.com/news/2013/05/20/an-indonesian-perspective-indo-pacific.html>

⁷ Weatherbee D. E. Indonesia, ASEAN, and the Indo-Pacific Cooperation Concept // *ISEAS*. 2019. No. 47. P. 3.

⁸ Joko Widodo Inaugurated as Indonesia's Seventh President // *USINDO*. 20.10.2014. URL: https://usindo.org/_mailpress_mailing_list_uncategorized/joko-widodo-indonesias-seventh-president/

⁹ Willis D. Indonesia's new geopolitics. Indo-Pacific or PACINDO? / In Chacko P. (Ed.). *New Regional Geopolitics in the Indo-Pacific: Drivers, Dynamics and Consequences* (1st ed.) / Routledge. 2016. P. 76.

- ¹⁰ Acharya A. Why ASEAN's Indo-Pacific outlook matters // East Asia Forum. 11.08.2019. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2019/08/11/why-aseans-indo-pacific-outlook-matters/>
- ¹¹ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific // ASEAN. P. 2. [Электронный ресурс]. URL: https://asean.org/asean2020/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf
- ¹² Сумский В. В. «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН» и вертикальный взлет американо-китайских противоречий // Международная жизнь. 2021. № 4. С. 85.
- ¹³ Dannhauer P. Elite role conceptions and Indonesia's agency in the ASEAN outlook on the Indo-Pacific: reclaiming leadership // The Pacific Review. 2022. P. 12. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09512748.2022.2125999>
- ¹⁴ Sulaiman Y. Whither Indonesia's Indo-Pacific Strategy? // IFRI. 2019. No. 105. P. 23.
- ¹⁵ Novotny D. Torn between America and China. Elite perceptions and Indonesian foreign policy / ISEAS Publishing. 2010. P. 4.
- ¹⁶ Ibid. P. 67.
- ¹⁷ Agastia I.G.B.D. Joko Widodo's Fleeting Maritime Ambitions: An Actor-Specific Analysis of Indonesia's Global Maritime Fulcrum // Journal of Asian Security and International Affairs. 2021. Vol. 8(3). P. 308.
- ¹⁸ Suoneto N. How Prabowo Subianto Has Helped Shape Indonesia's Foreign Policy // The Diplomat. 10.12.2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/12/how-prabowo-subianto-has-helped-shape-indonesias-foreign-policy/>
- ¹⁹ Jefferson Ng. How Indonesia's Defense Ministry Has Changed Under Prabowo Subianto // The Diplomat. 22.10.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2021/10/how-indonesias-defense-ministry-has-changed-under-prabowo-subianto/>
- ²⁰ Opening Address. Friday 19 November 2021 // IISS Manama Dialogue 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iiss.org/events/manama-dialogue/manama-dialogue-2021>
- ²¹ Dannhauer P. Op. cit. P. 12.
- ²² Willis D. Op. cit. P. 78.
- ²³ Caroline E. Op. cit. P. 427-428.
- ²⁴ Куприянов А.В. Концепция Индо-Тихоокеанского региона... С. 49.
- ²⁵ Verma R. K. Indian Navy for the 21st century / Akashdeep Publications, 2019. P. 48.
- ²⁶ Куприянов А.В. Концепция Индо-Тихоокеанского региона... С. 49.
- ²⁷ Kamal K., Sahni G. India in the Indo-Pacific: A Kautilyan Strategy for the Maritime Mandala // Observer Research Foundation. 2022. ORF Issue Brief No. 522. P. 3. URL: <https://www.orfonline.org/research/india-in-the-indo-pacific/>
- ²⁸ Grare F. India Turns East: International Engagement and US-China Rivalry / Oxford University Press, 2017. P. 75.
- ²⁹ Куприянов А. В. Индо-Тихоокеанский регион: индийский взгляд // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 5. С. 51.
- ³⁰ См., например, Raja Mohan С. PM Modi's foreign policy: Making India a leading power // Hindustan Times. 05.04.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hindustantimes.com/analysis/pm-modi-s-foreign-policy-making-india-a-leading-power/story-SMXx2543JluPgcHCb0QmJJ.html>
- ³¹ Khurana G. S. The 'Indo-Pacific' Concept: Retrospect and Prospect // National Maritime Foundation. 2017. P. 3.
- ³² Эту особенность можно связать с наследием британской стратегической культуры.
- ³³ PM's Keynote Address at Shangri La Dialogue // PM India. 01.06.2018. URL: https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/pms-keynote-address-at-shangri-la-dialogue/
- ³⁴ Malhotra A. Op. Cit. P. 26.
- ³⁵ Saha P., Mishra A. The Indo-Pacific Oceans Initiative: Towards a Coherent Indo-Pacific Policy for India // ORF. 2020. Occasional paper No. 292. P. 2.
- ³⁶ Подробнее см. Baru S. India's Power Elite: Class, Caste and Cultural Revolution / Penguin Books India, 2021. 264 p.
- ³⁷ Куприянов А. В. Военно-морской симпозиум Индийского океана // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 64. № 2. С. 83.
- ³⁸ Doyle T., Rumley D. The Rise and Return of the Indo-Pacific / Oxford University Press. 2019. P. 88.
- ³⁹ Sharad Tewari S., Khanijo R. (Eds.). The Indo-Pacific Region: Security Dynamics and Challenges / Vij Books India Pvt Ltd. 2016. P. 27, 132.
- ⁴⁰ Rajesh M. H., Sharma R. K. (Eds.). Strategic Balance in the Indo-Pacific Region: Challenges and Prospects / Vij Books India Pvt Ltd. 2017. P. 147.